

Деловой отчет Немецкого социологического общества*

Макс Вебер

Олег Кильдюшов
(переводчик)

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Публикация представляет собой первый перевод на русский язык программной речи Макса Вебера на I Немецком социологическом конгрессе, проходившем во Франкфурте на Майне 19–22 октября 1910 года в помещении Франкфуртской академии социальных и торговых наук. В ходе первой сессии утром 20 октября Вебер выступил с деловым отчетом Немецкого социологического общества (НСО), основанного в Берлине годом ранее. Вебер получил слово в качестве председателя счетной комиссии сразу после вступительной речи президента общества Ф. Тённиса «Пути и цели социологии». В стенограмме конгресса веберовский доклад обозначен как «Деловой отчет» НСО, хотя по сути является попыткой классика сформулировать рамочную исследовательскую программу для институционализировавшейся тогда немецкой социологии. Вначале Вебер говорит о принципах работы общества, нашедших отражение в его уставе. Прежде всего речь идет о центральном для всей веберовской социологии императиве ценностной нейтральности, предполагающем чисто научный, т. е. свободный от политических, этических и прочих оценок, интерес исследователя к своему предмету. Далее он подчеркивает прагматический характер НСО, не являющегося чисто статусным объединением академических «нобилей». В основной части доклада Вебер обсуждает конкретные тематические комплексы, изучение которых общество выбрало для себя в качестве приоритетных задач: социология прессы, социология союзов и общественных объединений, а также социология ведущих профессий современного общества. В заключение ученый говорит о финансовом положении НСО и его зависимости от распространения культуры научного меценатства по образцу Америки.

Ключевые слова: история социологии, Макс Вебер, Немецкое социологическое общество, институционализация социального знания, ценностная нейтральность, социология прессы

---

* Перевод выполнен по изданию: *Weber M. Geschäftsbericht // Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910 in Frankfurt am Main. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck), 1911. S. 39–62.*

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Новые социальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2022 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Профессор д-р Макс Вебер (Гейдельберг):

Дамы и господа!

Деловой отчет нашего общества, составить который было поручено мне, в основном затрагивает две сферы: 1) принятые в отчетном году изменения в уставе нашего общества; 2) конкретные научные задачи, которые общество ставит перед собой в будущем. Однако при неустоявшемся содержании понятия «социология» обществу с этим непопулярным у нас названием следует прояснить свои цели путем фиксации в нынешнем уставе конкретных принципов деятельности и ближайших задач.

Что касается первого момента, то буквально в течение последнего года в наших статутах получили отражение следующие изменения, которые я обозначу очень кратко. Во-первых, положение, о котором уже говорил уважаемый предыдущий докладчик: наше общество принципиально и решительно отвергает всякую пропаганду *практических* идей в своей среде. Общество не является «нейтральным» в том смысле, что пытается угодить каждому, понять каждого или выбрать какую-то «среднюю линию» между партийными подходами, между политическими, социально-политическими, этическими, эстетическими или иными оценками какого-либо рода; как таковое оно вообще не имеет ничего общего с этими позициями, оно просто беспартийно во всех сферах. Конечно, наличие, особенности и последствия политических, эстетических, литературных, религиозных и иных партийных мнений вполне могут быть предметом анализа, фиксирующего сам *факт их существования*, их мнимые или реальные причины и шансы на успех, их «принципиальные» и «практические» последствия. Но этот *анализ* должен осуществляться посредством чисто объективного изучения, свободного от всяких личных оценок. Однако предметом обсуждения в нашем обществе — и это оговаривается в нынешнем § 1 нашего статута — никогда не может быть «за» и «против», ценность или никчемность подобного мнения. Например, если общество проводит опрос по поводу прессы (о чем я еще скажу), то, согласно нашим принципам, это означает следующее: ни в коем случае речь не идет о том, чтобы давать оценки ее состоянию. Подобный опрос будет не о том, является ли существующее состояние прессы желательным или нежелательным, а направлен лишь на следующую констатацию: каково ее реальное положение? Почему оно такое, какое есть? По каким историческим и социальным причинам?

Второй принцип, который мы зафиксировали, заключается в том, что наше общество не занимается никаким «академизмом». Оно не является обществом нотаблей, а представляет собой прямо-таки противоположность чего-то вроде «академии». Например, не может быть никакой «обиды» у тех, кто случайно оказался вне конкретного комитета общества. Иными словами, не должно быть никакого «престижа» — хотя это звучит довольно парадоксально — в членстве в определенном комитете общества. Ведь эта принадлежность означает лишь одно: в данный

момент круг задач общества устроен таким образом, что вступившие в него господа, частично по собственной инициативе, а частично по нашей просьбе, выразили готовность в качестве сотрудников взять на себя *эти* конкретные задачи. При их отборе должно выполняться одно-единственное общее условие: они должны быть уже известны благодаря своим чисто научным, т. е. не практическим, а чисто социологическим результатам и готовы сотрудничать с нами на этой почве, свободной от всякого партийного спора. Наше общество — это рабочее сообщество, а не — повторяю еще раз — что-то вроде «академии». Если кто-то готов работать у нас, тому мы говорим: добро пожаловать!

В-третьих, мы утвердили принцип, согласно которому общество не занимается «ведомственным патриотизмом», не рассматривает себя как самоцель, не пытается конфисковать у других в свою пользу задачи, и потому даже применительно к самому себе широко следует принципу децентрализации научного труда.

В нашем уставе это выражается в том, что фокус всей работы общества приходится не на собрание самих членов, а на комитеты, организуемые обществом для работы над конкретными задачами. Эти комитеты, для которых общество выбирает лишь председателя и минимальное число членов, являются абсолютно суверенными в своей области, особенно с точки зрения кооптации других сотрудников, в том числе не входящих в состав общества. Например, в области газетного дела это издатели газет и представители журналистики, без которых мы вообще не можем работать, — господа практики входят в наши комитеты, где мы хотим работать с ними на принципах полного равноправия, причем во всех отношениях, и надеемся получить от них прямые стимулы для нашей работы.

Тот же принцип децентрализации выражается в том, что социологическое общество предположительно уже никогда не предстанет перед общественностью в той форме, как сегодня и в ближайшие дни, — то есть как неструктурированное целое, в своих докладах и дискуссиях рассматривающее один за другим ряд отдельных тем. Скорее есть намерение создать разные отделы. Учреждение отдела статистики уже инициировано группой самих господ статистиков, и общество в соответствии со своими принципами не будет механически навязывать создание формальных отделов, а наоборот: заинтересованные лица должны сами принять решение об объединении в профессиональные отделы. А президиум обсудит, какое место эти отделы должны занять внутри общества, причем в том смысле, что в своих областях они являются настолько самостоятельными, насколько это вообще мыслимо. Они сами определяют, например, кого привлекать из числа специалистов — *только* специалистов, исключая всех тех, кто не может рассматриваться в качестве таковых; они сами решают, какие работы будут осуществлять и каким образом. Поэтому во время будущих социологических конгрессов — скажем, через два или полтора года — мы увидим (предположительно, поскольку следует ожидать подобных инициатив и от других интересантов), как один за другим проходят заседания многих отделов. Вероятно, будет отдел теоретической национал-экономики, внутри которого теоретические проблемы обсуждаются теорети-

ками и никем иным. Или отдел статистики, внутри которого статистики, профессиональные статистики и никто иной станут обсуждать свои проблемы, конечно, по своему усмотрению и с привлечением других заинтересованных лиц. Но если они захотят, то могут ограничить круг активных участников дебатов теми, кто действительно профессионально разбирается в этих вещах. Наряду с этим «материнское» общество будет проводить свои собрания вроде нынешнего, но они будут максимально ограничены несколькими крупными темами, подготовленными публикациями и проведенными работами (поскольку общество должно сместить главный акцент своей деятельности на *публикации*).

Теперь я должен сказать о том, какие исследования общество стремится осуществлять посредством профессионально организованных и подготовленных публикаций, с привлечением максимально большого круга всех тех, кто хочет сотрудничать с нами и готов послужить интересам дела. Понятно, что эти пояснения здесь могут носить лишь характер очень грубого наброска, если хотите, даже шаржа. Господа, ведь именно собственная, разрабатываемая нами *постановка вопроса* является важнейшей научной задачей.

Господа, первая тема, которую общество нашло подходящей для чисто научного обсуждения, это *социология прессы*. Это громадная тема, не будем скрывать, тема, которая потребует не только очень значительных материальных затрат для подготовительных работ, но даже с точки зрения самого предмета ее будет невозможно рассматривать без серьезного доверия и благожелательности к нашему интересу со стороны ведущих представителей прессы. Если же мы у представителей издателей газет или журналистов вызовем подозрение, что общество преследует какие-либо цели морализирующей критики существующего положения, то вряд ли мы в таком случае решим нашу задачу, поскольку просто не получим от них нужный материал. В ближайшее время усилия соответствующего комитета будут направлены на то, чтобы привлечь к сотрудничеству, с одной стороны, теоретиков прессы, которые уже очень многочисленны — как известно, у нас уже есть блестящие теоретические публикации в этой области (позвольте мне сейчас лишь напомнить о книге Лебля¹, поскольку она удивительным образом гораздо менее известна, чем того заслуживает) — так и практиков прессы. После предварительно проведенных переговоров есть надежда, что если мы в ближайшее время обратимся как к крупным изданиям, так и к союзам газетных издателей и редакторов, то встретим у них благожелательное отношение. Если этого не произойдет, то общество скорее откажется от исследования, чем станет публиковать такое, что явно ничего не даст.

Господа, нет смысла говорить здесь что-то о значимости прессы. Это вызвало бы подозрение в подхалимстве с моей стороны в отношении господ — представителей прессы, тем более что невозможно что-либо добавить к тому, что было сказано выше. Когда прессу сравнивают с генералами на поле боя — впрочем, это

---

1. Вероятно, Вебер имеет в виду книгу Эмиля Лебля «Культура и пресса»: *Löbl E. (1903). Kultur und Presse. Leipzig: Duncker & Humblot. — Прим. перев.*

было сказано об иностранной прессе — то каждый знает: у нас над нею не властвует никакая чисто земная сила, и чтобы найти что-то сопоставимое с нею, необходимо обращаться к взнезному. Я лишь напоминаю: устраните прессу и увидите, во что превратится тогда современная жизнь без создаваемого ею вида публичности. Во времена античности, уважаемые присутствующие, тоже была своя публичность. Якоб Буркхард² был в ужасе от публичности эллинской жизни, охватывавшей все существование афинского гражданина вплоть до самых интимных сфер. Этой публичности сегодня больше нет, и было бы интересно спросить: а как, собственно, выглядит сегодняшняя и как она будет выглядеть в будущем, что посредством газеты станет публичным, а что — нет? Если английский парламент 150 лет назад принуждал журналистов к коленопреклоненным извинениям за репортажи о своих заседаниях, что считалось нарушением парламентских правил (breach of privilege), и если сегодня пресса ставит на колени парламенты одной угрозой не печатать речи депутатов, то очевидно, что смысл парламентаризма изменился, как и положение прессы. При этом сохраняются *местные* различия, например, до сих пор существуют американские биржи, в окна которых вставлено матовое стекло, чтобы было невозможно подать вовне сигнал об изменениях курсов. С другой стороны, мы видим, что почти все значимые особенности в способе размещения материалов в газетах определяются в том числе необходимостью учитывать публикацию биржевых курсов. Впрочем, мы не спрашиваем о том, что *должно* стать публичным. Всякий понимает, что мнения на этот счет сильно расходятся. Конечно, было бы интересно выяснить: *какие* взгляды на это существуют сегодня, существовали ранее и у кого? Это также относится к нашему кругу задач, но не более чем фактическая констатация. Общеизвестно, что в Англии, например, на это смотрят по-иному, чем у нас. Это бросается в глаза, когда английский лорд женится на американке — тогда в американской прессе выходит объявление со всеми подробностями о происхождении, личной жизни и приданном этой американки. Тогда как, согласно царящим у нас представлениям, каждая уважающая себя газета в Германии должна молчать об этом. Откуда это различие? Применительно к Германии мы должны зафиксировать, что сегодня серьезные усилия именно у авторитетных представителей прессы направлены на то, чтобы исключить из газетной публичности чисто личные подробности жизни людей — интересно, по каким причинам и с какими результатами? С другой стороны, мы должны отметить, что такой социалистический публицист, как Антон Менгер, придерживался мнения, что, напротив, в будущем государстве пресса должна обсуждать на своих страницах вещи, которые невозможно передать уголовному суду, выполняя, таким образом, роль античного цензора. Имеет смысл выяснить: *какое* актуальное мировоззрение лежит в основе той или иной практики. *Только это* может быть нашей задачей, но не выражение своего отношения к ней.

---

2. Вероятно, Вебер ссылается на 4-томную «Историю греческой культуры» Якоба Буркхардта: *Burckhardt J.* (1898–1902). *Griechische Kulturgeschichte*. 4 Bde / Hrsg. von J. Oeri. Berlin, Stuttgart: W. Speemann. — *Прим. перев.*

Мы, со своей стороны, должны будем изучить прежде всего *властные* отношения, которые создает специфическая газетная публичность. Так, она оказывается менее значима для мира научных достижений, чем, например, для быстро забываемых театральных или музыкальных событий, для которых она особо важна: в известном смысле театральный или литературный рецензент и есть тот человек в газете, кто легче всего может создавать и подрывать карьеры. И для каждого раздела газеты, начиная с политического, эти властные отношения крайне различны. Отношения газеты с партиями у нас и в других странах, отношения с деловым миром, со всеми бесчисленными группами и интересантами, влияющими на общественность и зависящими от нее, — это и есть громадная область социологической работы, которая сегодня выстраивается лишь в общих очертаниях.

Однако обратимся к собственно исходному пункту исследования. Если мы социологически подходим к прессе, то фундаментальным для всех обсуждений является тот факт, что пресса сегодня является очевидно капиталистическим, частным предприятием. При этом ее положение совершенно уникально в той мере, в какой она, в отличие от всякого другого рода предпринимательства, имеет два совершенно разных вида «клиентов»: первые — это покупатели газет, которые в своей массе являются или подписчиками, или розничными покупателями (что сформировало разные черты прессы нескольких культурных стран); а вторые — рекламодатели, и между этими кругами клиентов существуют специфические взаимодействия. Например, для вопроса о том, сколько рекламодателей будет иметь газета, важно число подписчиков, и — хотя и не в такой мере — наоборот. Но не только для бюджета прессы роль рекламодателей гораздо более значима, чем роль подписчиков. Можно даже сформулировать так: газета не может иметь слишком много рекламодателей, зато — в отличие от продавца любого другого товара — она может иметь слишком много подписчиков, а конкретно тогда, когда не может поднять цену рекламы настолько, чтобы покрыть расходы все увеличивающегося тиража. Для многих изданий это — довольно серьезная проблема, приводящая в целом к тому, что с определенного размера тиража не растет заинтересованность газет в дальнейшем его увеличении. По крайней мере это *возможно*, если при существующих предпосылках дальнейшее повышение стоимости рекламы затруднено. Это одна из особенностей прессы, которая носит чисто деловой характер, однако приводит к множеству последствий. Если обратиться к иностранному примеру — Франции, то там весьма отличаются мера и вид взаимозависимости между прессой, стремящейся в политической и других сферах просвещать и предметно информировать публику, и потребностью делового мира в рекламе, проявляющейся в поведении рекламодателей. Почему? С какими общими последствиями? Хотя об этом уже много писали, мы вновь должны обратиться к этим вопросам, поскольку имеется лишь частичное совпадение взглядов.

Теперь идем дальше: сегодня наблюдается прежде всего рост потребностей предприятий прессы в *капитале*. Пока нет ответа на вопрос, о котором спорят самые информированные специалисты: в какой мере эта потребность в капитале оз-

начает растущую монополию уже существующих предприятий? Вероятно, в зависимости от обстоятельств, ответ может быть разным. Ведь даже помимо растущей потребности в капитале, монопольное положение уже существующих газет довольно сильно отличается в зависимости от того, опирается ли газета в основном на подписку или на розничную продажу, как, например, за границей, где человек каждый день может покупать иную газету, чем покупал день назад, способствуя тем самым (по крайней мере, так это кажется на первый взгляд) появлению новых изданий. Вероятно, и это должно быть исследовано вместе с растущей потребностью в капитале и его воздействием как таковым. Тогда можно будет ответить на вопрос: означает ли этот рост имеющегося капитала также увеличение власти прессы по собственному усмотрению формировать общественное мнение? Или наоборот — как утверждается, но еще не было однозначно доказано — растет чувствительность отдельного предпринимателя к колебаниям общественного мнения? Говорилось, что заметное изменение позиций определенных французских изданий — обычно упоминают «Фигаро» в контексте дела Дрейфуса — объясняется тем, что столь значительный капитал, инвестированный в эти современные газетные предприятия, очень сильно нервничает и тем самым становится зависимым от публики. Ведь последняя выражает свое неодобрение в отписке, что угрожает ему чисто финансово. При этом в случае Франции нужно учитывать особую легкость смены читателями издания при царящей там практике розничной продажи газет. Также говорилось, что растущая зависимость от соответствующих актуальных течений есть следствие растущей потребности в капитале. Верно ли это? Это вопрос, который нужно поставить. Это утверждают профессионалы прессы — а я таковым не являюсь, — другие же это оспаривают.

Далее: приближаемся ли мы вследствие увеличения имеющегося капитала газет — как часто происходит при растущей потребности в капитале — к стадии создания трестов в сегменте прессы? Насколько это вероятно? Господа, это оспаривалось самым энергичным образом специалистами прессы высочайшего уровня — как теоретиками, так и практиками. Впрочем, главный сторонник этих взглядов, лорд Нортклифф, вероятно, знает это лучше, поскольку является одним из крупнейших из всех существующих трестовых магнатов в области газетного дела. Но какими могут быть последствия для характера газет, если это произойдет? Ведь невооруженным глазом видно, что газеты крупных, уже существующих концернов во многом отличаются от других, более мелких. Но достаточно — я привел эти примеры только для того, чтобы показать, насколько следует учитывать деловой характер прессы. Мы должны спросить себя: что означает капиталистическое развитие внутри газетного дела для социологического взгляда на прессу в целом, на ее роль в процессе формирования общественного мнения?

Другая проблема: «институциональный» характер современной прессы находит у нас в Германии специфическое выражение в анонимности того, что публикуется. Бесконечно много было сказано «за» и «против» анонимности прессы. Мы не занимаем здесь ничью сторону, а только спрашиваем: как получилось, что это

явление встречается, например, в Германии, тогда как за границей отчасти имеет место другая ситуация, например, во Франции, а Англия, в свою очередь, в этом отношении ближе к нам. Сегодня во Франции есть, собственно, лишь одна-единственная газета, которая придерживается анонимности, — *Temps*. Напротив, в Англии многие газеты, вроде *Times*, строго придерживаются анонимности. При этом у них могут быть совершенно различные резоны. Может быть — как это выглядит в случае *Times*, персоны, о которых пишет газета, являются настолько высокопоставленными, что журналисту невозможно выступать под собственным именем. Однако в других случаях анонимность может иметь прямо-таки обратную причину. Ведь здесь существует конфликт интересов — и от этого не уйти — между заинтересованностью отдельного журналиста в получении максимальной известности и стремлением газеты не попасть в зависимость от конкретного журналиста. Конечно, также существуют большие отличия в коммерческом плане, в зависимости от того, превалирует ли у газеты розничная продажа. Но прежде всего играет роль политическое своеобразие народа, например, склоняется ли нация вроде немецкой к тому, чтобы лучше воспринимать институциональную власть, когда «газета» предстает как нечто «надындивидуальное», чем индивидуальное мнение индивида. Или же она вообще свободна от такого рода метафизики.

Это уже вопросы, затрагивающие внештатных журналистов, ситуация с которыми в Германии выглядит совсем иначе, чем, например, во Франции, где внештатный журналист есть повсеместное явление, как и в Англии. Тогда нужно было бы спросить: кто сегодня вообще пишет в газету и о чем? А кто не пишет и почему? Это приводит нас к более общему вопросу: как пресса вообще добывает для себя материал, который предлагает публике? И что она ей, собственно, предлагает? Является ли постоянный рост у нас интереса к чистому изложению *фактов* общим явлением? Это имеет место на английской, американской и немецкой почве, напротив, не совсем так на французской: француз в первую очередь хочет читать газету с определенной позицией. Но почему? Ведь, например, американец не хочет от своего издания ничего, кроме фактов. Какие мнения об этих фактах публикуются в прессе, его совершенно не интересует, поскольку как демократ он убежден в том, что в принципе и сам разбирается в них так же хорошо, если не лучше, чем тот, кто пишет в газете. Однако француз тоже хочет быть демократом. Откуда тогда это различие? Как бы то ни было: в обоих случаях газета выполняет различную общественную функцию.

Но поскольку, несмотря на эти различия, новостная служба в прессе всех стран мира не только все сильнее обременяет бюджет своего издания, все острее становится проблема положения крупных новостных агентств и их международных отношений между собой — так что встает вопрос: кто, собственно, сейчас является источником этих новостей? Нужны работы об этом, и первые шаги уже сделаны. Утверждения, делавшиеся о положении в этой области, до сих пор частично противоречили друг другу, и вопрос в том, возможно ли чисто объективно получить об этом больше материала, чем имеется сегодня.

Поскольку часть содержания газеты не относится ни к разряду новостей, ни к стандартизированному продукту (как известно, в крупных предприятиях существует массовое производство контента для прессы, начиная со спортивной колонки и кроссворда до романа и всего подобного), остается то, что произведено собственно журналистским трудом и что по крайней мере у нас в Германии, в отличие от других стран, все еще имеет фундаментальное значение для оценки отдельной газеты. В таком случае мы не можем ограничиться рассмотрением готового продукта, а должны отдать должное его производителям и спросить их о судьбе и положении журналистского сословия. Так, судьба немецкого журналиста совершенно отлична от ситуации за границей. В Англии иногда как журналисты, так и газетные предприниматели попадают в палату лордов: причем это мужи, которые не имеют никаких иных заслуг, кроме того, что они как бизнесмены создали для своей партии коммерчески блестящее издание, подрывающее — здесь нельзя сказать: превзошедшее — все остальные. Во Франции журналисты становились министрами, причем довольно часто. Напротив, в Германии это может быть лишь редким исключением. Помимо этих бросающихся в глаза отличий, мы должны будем выяснить, как менялось положение профессиональных журналистов за последнее время в отдельных странах.

Каковы происхождение, образование и требования к современному журналисту в профессиональном отношении? И какова внутривидовая судьба немецкого журналиста в сравнении с иностранным? Каковы, наконец, его жизненные шансы вообще — возможно, внепрофессиональные — сегодня у нас и в других местах? Каждый знает, что общее положение журналистов сильно отличается в зависимости от партийной ориентации и характера издания и т. д. Например, социалистическая пресса — особое явление, которое должно рассматриваться отдельно, как и положение социалистических редакторов; и уж совершенно точно отдельно следует анализировать католическую прессу и ее сотрудников.

Наконец: что, собственно, *порождает* продукт, который представляет собой готовая газета, создаваемая способами, которые нам предстоит исследовать? Об этом существует огромная литература, отчасти очень ценная, но и в этом случае часто крайне противоречивая, даже если ее авторы — признанные специалисты. Господа, как известно, предпринимались попытки прямо изучить воздействие газеты на мозг, т. е. вопрос о последствиях того, что современный человек привык перед работой употреблять своего рода «рагу», которое представляет из себя мешанину из всех областей культурной жизни, начиная с политики и заканчивая театром и многим другим. Очевидно, что это имеет значение. Можно очень легко и просто сказать несколько общих слов о том, насколько это связано с некоторыми иными влияниями, которым подвержен современный человек. Но здесь не так легко продвинуться дальше самых поверхностных рассуждений.

Видимо, нужно будет исходить из вопроса: какого рода чтение прививает газета современному человеку? Об этом были выдвинуты всевозможные гипотезы. Утверждалось, что газета вытеснит книгу. Это возможно; хотя немецкая книжная

отрасль, как ни в какой иной стране мира, находится на неслыханном подъеме; нигде на рынок не выбрасывается столько книг. Однако цифры реализации этих самых книг демонстрируют обратное отношение. В России, причем до введения свободы печати, бывали тиражи от 20 000 до 30 000 экземпляров у таких — при всем уважении к личности Антона Менгера — невероятных книг, как его «Новое учение о нравственности». Существовали и очень читаемые журналы, которые сплошь стремились дать «окончательное» философское обоснование своей уникальности. Это было бы невозможно в Германии, и станет невозможным в России под влиянием хотя бы относительной свободы слова, что уже начинает проявляться. Несомненны огромные сдвиги, которые пресса производит там в читательских привычках, а тем самым и сдвиги в формировании и самом способе того, как современный человек воспринимает информацию извне. Все это, а также знакомство с колебаниями общественного мнения, со всеми неисчерпаемыми возможностями влияния взглядов и интересов, чудовищно давит на современного человека. Но как? Это мы и должны изучить. Я не могу говорить об этом подробно и завершаю следующим замечанием:

В конечном счете мы должны изучать прессу с точки зрения того, во-первых, каков ее вклад в формирование современного человека. Во-вторых, какое воздействие оказывается на объективные, надындивидуальные, культурные ценности, какие сдвиги происходят в них, что исчезает и что появляется в массовых верованиях, массовых надеждах и — как сегодня говорят — «жизненных чувствах»? Это конечные вопросы, которые мы должны поставить, и вы, уважаемые присутствующие, сразу понимаете, что путь к ответам на эти вопросы чрезвычайно далек.

Вы спросите теперь: где найти материал для осуществления подобных работ. Этим материалом являются сами газеты, и мы, говоря ясно, должны просто начать с того, чтобы измерить с «помощью ножниц и циркуля», насколько содержание газет менялось в количественном отношении на протяжении жизни нынешнего поколения, не в последнюю очередь в отделах рекламы, фельетонов, в соотношении фельетона и редакционной статьи, редакционной статьи и новостей, того, что вообще попадает в новости, и того, что сегодня туда больше не попадает. Ведь ситуация здесь изменилась чрезвычайно. Имеются первые попытки подобных исследований, в которых авторы стремятся констатировать эти изменения, но лишь на первичном уровне. Затем от этих количественных параметров мы перейдем к качественным. Мы должны будем затронуть способы оформления газеты, обсуждения схожих проблем внутри и вне газет, мнимое вытеснение в газете эмоционального, которое все еще образует основу ее существования, и т. п. И только после этого мы наконец сможем осторожно надеяться на медленное приближение к основополагающему вопросу, ответить на который мы и поставили своей целью.

Господа, я должен еще более коротко и эскизно высказаться о двух других проблемных областях, которые наше общество намерено взять в разработку.

Следующую тему я вынужденно должен сформулировать очень широко в том смысле, что фундаментальной задачей всякого социологического общества явля-

ется сделать предметом своей работы те образования, которые конвенционально именуются «общественными», т. е. все то, что лежит посередине между такими политически организованными или признанными образованиями, как государство, община или официальная церковь, с одной стороны, и естественно возникшим сообществом семьи — с другой. Таким образом, речь идет о *социологии союзов* в самом широком смысле слова, от — скажем совсем резко! — кегельного клуба до политической партии и религиозной, художественной или литературной секты.

Господа, подобная громадная тема также должна быть разложена с точки зрения самых разных аспектов и в рамках разных постановок вопросов: я хочу совсем кратко обозначить по крайней мере некоторые из них.

Сегодняшний человек, наряду со всем иным, несомненно, является человеком союзов в чудовищном, ранее неведомом масштабе. Можно подумать, что этого уже не превзойти после возникновения организаций «по избавлению от союзов». В этом отношении Германия находится на уровне очень высоких стандартов. Это видно из любой адресной книги — если только она действительно хотя бы приблизительно содержит все союзы, что чаще всего не так, а в действительности, вероятно, просто и невозможно. Так, в Берлине они отражены далеко не полностью, напротив, в небольших городах уже лучше: например, в отдельных городах с 30 000 жителей наличествует 300 различных союзов; то есть на 100 жителей, или на 20 отцов семейства, приходится один союз.

Господа, количественному расширению не всегда сопутствует качественная значимость роли союзов. Где с количественной точки зрения находится Страна союзов *par excellence*? Несомненно, это Америка — именно потому, что там принадлежность к какому-либо союзу в среде среднего класса прямо ведет к легитимации человека в качестве джентльмена. Вернее, вела, поскольку теперь и там все европеизируется. Пара ярких примеров. Один немецкий отоларинголог рассказал мне, что его первый клиент в Цинциннати прямо с порога сообщил ему: «Я хожу в Первую баптистскую церковь на такой-то улице». Как это связано с болезнью носа, врач уловить не мог. Однако это означало не что иное, как: «Я признанный джентльмен — плачу щедро и сразу». Второй пришедший к нему сразу же продемонстрировал своего рода розетку Почетного легиона в петлице. Врач поинтересовался и выяснил, что это определенный клуб, в который принимают после тщательной проверки; если кто-то входит в него, тот легитимируется именно как «джентльмен». Среди буржуазии массово популярны подобные клубы или союзы. Сегодня они носят преимущественно светский характер, однако прототипом всей системы союзов — это можно изучать именно по Америке — является секта в специфическом смысле слова. Здесь не важно, чисто ли исторически, но в принципе секта по своему смыслу есть сплочение определенным образом квалифицированных людей, а не учреждение, поскольку по своему социологическому структурному принципу она отвергает санкцию таких авторитарных объединений, как государство и церковь, и потому *вынуждена* быть «союзом». Поэтому в Америке она и сегодня часто выполняет роль, так сказать, аттестата этической квалифи-

кации бизнесмена. Например, прежде чем баптисты примут кого-то в свои ряды, они подвергают его проверке, напоминающей наш экзамен на офицера запаса и распространяющейся на все его прошлое: изыскиваются посещения трактира, отношения с дамами, игра в карты, неоплаченные чеки и все подобные вещи, касающиеся личного «изменения», прежде чем он может достигнуть крещения. Кто после этого крестится, тот легитимируется как безусловно кредитоспособный и делает дальше хороший бизнес. Не столь строго, но схожим образом и со схожими последствиями действуют все традиционные американские союзы. Точно так же функционирует масонство, как легко убедиться по документам масонов, и у нас, и тем более в Америке. Один тамошний господин, сожалея о том, что по внешним причинам не может достичь уровня мастера стула, так ответил на мой вопрос, почему для него это важно: «Если я являюсь мастером стула и в моих деловых поездках в качестве такового могу появляться с тайным знаком, то я получаю множество клиентов, продаю любой товар, поскольку люди будут предполагать, что я поставляю лишь качественный товар по реальной цене; ведь если бы я не поступал так, то масоны не потерпели бы меня в своей среде». И так происходит вообще в общественной жизни в Америке. Кто не входит в эти союзы — например, американский немец редко имеет такое счастье — тот не поднимается на самый верх. Демократия в Америке — не куча песка, а лабиринт эксклюзивных сект, союзов и клубов. Они усиливают отбор приспособившихся к американской жизни вообще, помогая им достичь общественного, политического и иного господства в социальной жизни.

А как с этим обстоит у нас? Встречаются ли — и какого рода и объема — аналогии этого? Где? С какими последствиями? А где не встречаются и почему? Это вторая сторона дела, обращенная вовне.

Следующий вопрос: как принадлежность к определенному виду объединения действует внутри него? Влияет ли она на личность целиком? В общем, можно сказать так: кто принадлежит к определенному объединению, будь то бурши в Германии, Greek Letter Society³ или другой студенческий клуб в Америке, тот должен «утвердиться» среди своих товарищей в прямом и переносном смысле слова. Вопрос в том, посредством чего он утверждается? В приведенном примере это зависит от того, какой специфический идеал «мужественности» сознательно и намеренно или же неосознанно и по традиции поддерживается внутри определенного немецкого буршеншафта, определенного английского спортклуба или американского студенческого союза? Конечно, в этих случаях принципиально отличаются условия завоевания уважения товарищей. Они отличны в целом, не только у разных наций, но и у разных слоев и категорий союзов. Однако индивид сознательно или неосознанно отбирается и затем формируется в соответствии с этим идеалом. В таком случае речь идет уже не только о том, как он достигает

---

3. Общественные объединения в колледжах Северной Америки, соответствующие европейским студенческим корпорациям, именуется «обществами, названными греческими буквами». — Прим. перев.

уважения товарищей. Ведь в конечном счете мы должны всегда спрашивать о том, как индивид, который подвержен теперь этим воздействиям, сохраняет *самоуважение* и потребность быть «личностью»? Как смещаются внутренние позиции, которые могут быть важны для балансировки того, что мы называем «личностью», и для поиска новой опоры? Ведь с внутренней точки зрения происходит присвоение воздействий социального ансамбля, в котором находится индивид, включение этих воздействий в собственное «Я». И чувство собственного «достоинства», в зависимости от вида ансамбля, может воздвигаться на самых разных постаментов.

Теперь следующее: каждый союз представляет собой властные отношения между людьми. По крайней мере, согласно правилам, формально и официально существует господство большинства. В конечном счете под вопрос ставится психология этого господства большинства над индивидом и то, как оно проявляется и действует на почве этих частных объединений. Здесь я могу говорить лишь о главном: само собой разумеется, что внутри каждого подобного органа, как бы он ни назывался — партия, союз, клуб или иначе, в действительности господство всегда есть господство меньшинства, иногда диктатура отдельных лиц, господство одного или нескольких лиц, квалифицировавшихся путем отбора или адаптации к задачам управления и держащих в своих руках фактическое господство внутри подобного союза.

Как же, при каких условиях, при каких, я бы даже сказал, «правилах игры» осуществляется этот отбор управляющих внутри отдельных категорий союзов, партий и т. п.? Это главное в вопросе о том, какой вид личности приносит с собой данное господство. И на него опять-таки можно ответить лишь отдельно для совершенно определенных видов союзов и культурных условий окружения. Это центральный социологический вопрос, но не менее значим и последующий, примыкающий к нему: с помощью каких средств ведущие группы пытаются сохранить лояльность членов по отношению к союзу, т. е. к своему собственному господству. По этому вопросу уже имеется множество важных предварительных работ⁴.

Далее. Какой вид отношений существует между союзом любого рода, опять-таки от партии до — пусть это и звучит парадоксально — кегельного клуба, т. е. между любым союзом и чем-то, что в самом широком смысле слова можно назвать «мировоззрением»? Подобное отношение наличествует повсюду (хотя и очень различным образом), даже там, где его невозможно предположить. Прежде всего обыденным является то, что объединения, основанные на наиболее распространенных мировоззрениях, становятся механизмами, которые фактически все более освобождаются от них. Это заложено в общей, как принято говорить, «трагике» каждой попытки реализации идей в реальности. Ведь в каждом союзе есть какой-то, пусть даже самый скромный, аппарат, а поскольку союз выступает с пропагандой, то этот аппарат опредмечивается и захватывается *профессиональными* людьми. Вспомните — если брать совсем грубый пример — о такой щекотливой

---

4. Здесь имеются в виду работы проф. Г. А. Ляйста.

и деликатной проблемной области, как эротическая жизнь, и о том, что пропаганда идей в этой области уже сегодня дает возможность *зарабатывать*. Я говорю это здесь не в форме какого-либо морального осуждения соответствующих лиц и не считаю себя вправе это делать, с учетом того, что и так многие профессора сегодня на своих кафедрах ведут пропаганду своих субъективных политических и иных идей. Но это факт, естественно, имеющий далеко идущие последствия, поскольку достигнута та специфическая стадия опредмечивания содержания идей, когда их пропаганда становится основой материального существования, и это опять-таки имеет различные последствия, в зависимости от рода и характера этих идей.

С другой стороны, господа, почти каждый союз привлекает «мировоззренческие» содержания, даже тот, который принципиально пытается избегать этого. В известном смысле можно утверждать, что даже немецкий кегельный клуб в определенной мере напоминает «немецкий певческий союз». Кстати, расцвет певческих союзов в Германии, по моему мнению, оказывает значительное воздействие даже на те области, в которых это не сразу предположишь, например, в политической. Человек, который привык ежедневно выпускать из своей груди через гортань громкие звуки без какой-либо привязки к своему действию, т. е. без адекватного реагирования на эти выраженные мощные чувства путем соответствующих мощных действий, — а в этом суть искусства певческих союзов, — это человек, который, коротко говоря, очень легко становится «добропорядочным гражданином», в пассивном смысле слова. Неудивительно, что монархи выказывают такую благосклонность к подобным мероприятиям. «Где поют, там можешь спокойно жить». Великие сильные страсти и сильное действие там отсутствуют. Я признаю, что это звучит парадоксально, что это несколько односторонне, и здесь не должно быть порицаний. Ведь возможна точка зрения, в соответствии с которой именно в этом состоит богатство немецкого народа, что он способен осуществить этот разрыв и благодаря этому создать свою собственную художественную культуру. Далее: что в *каждом* виде культуры в основе лежит способность запустить торможение между восприятием и реакцией. Я оставляю все это как есть, поскольку вопрос оценки *нас* совершенно не касается. Я лишь констатирую, что, как я пояснил, *возможно* подобное отношение — я не знаю, с какой силой, вероятно, я преувеличил.

В подобных случаях речь идет в сущности о неосознанном влиянии габитуса через содержание деятельности союза. Однако существуют самые разные оттенки переноса чисто профессиональных или чисто предметных целей, преследуемых сообществами, в область воздействия и регламентации практического ведения жизни. Воздействие может совершаться полностью осознанно, исходя из чисто профессионально-предметных позиций, за которыми мы его даже не стали бы предполагать. Подумайте о том, что определенные медицинские, психиатрические теории сегодня очевидно способствуют образованию сект, например, теория одного знаменитого венского психиатра привела к тому, что возникла секта, которая зашла так далеко, что ее собрания строго закрыты и секретны для тех, кто к ней не принадлежит. Предмет сектантского воздействия здесь — «человек без

комплексов» как идеал и ведение жизни, посредством которого этот свободный от комплексов человек может формироваться и поддерживаться. Самые различные сферы жизни регламентируются на основе этих идеалов, что, конечно, ни один человек не смог бы оттуда вывести самостоятельно, если бы сначала рассматривал эти теории как чисто психиатрические и предназначенные для научных целей, хотя затем эта взаимосвязь очень легко считывается.

Схожее может происходить, например, в области эстетического — путем образования художественных сект. Ведь секты, поддерживаемые художественными мироощущениями, в социологическом отношении (а они и в остальном вызывают значительный интерес) относятся к самому интересному, что может существовать. В них еще и сегодня сохраняется воплощение божественного, совершенно подобно религиозной секте, — я вспоминаю здесь секту Штефана Георге⁵ — и формирование практического ведения жизни, внутренней установки, которую они дают своим сторонникам, может заходить очень далеко. То же самое мы обнаруживаем у расовых теоретиков. Брак в соответствии с дворянскими генеалогическими таблицами, естественно, можно заменить браком в соответствии с гигиеническими генеалогическими таблицами, и каждый знает, что секта преимущественно с этой целью состоит из эзотерических и экзотерических сторонников. Здесь, как и повсюду, я использую выражение «секта» *совершенно безоценочно*. Станным образом это выражение безосновательно имеет у нас дурную славу, поскольку с ним связывают понятие «ограниченность». Однако специфические, прочно зафиксированные идеалы не могут попасть в жизнь иначе, чем путем образования секты воодушевленных сторонников, которые стремятся полностью реализоваться и поэтому объединяются, *отделяясь* от других.

Господа, мы пришли — я вынужден на этом закончить, чтобы больше не занимать ваше время — наконец к двум схожим принципиальным постановкам вопросов, как и в случае прессы: как определенные категории подобных объединений и союзов, начиная с партий — ведь и они могут быть или машинами, чистыми машинами, как американские партии, или мнимыми мировоззренческими партиями вроде сегодняшней партии социал-демократов, которая честно верит в то, что является таковой, хотя она уже давно ею не является, или действительно мировоззренческими партиями вроде Партии центра, в значительной мере все еще являющейся таковой, и там существуют самые различные сопряжения между идеей и механизмом — к вопросам, как и с помощью каких средств они воздействуют в двойном направлении: сначала формируя отдельных индивидов, а затем формируя объективные, надындивидуальные культурные ценности?

Если вы спросите о материале, с помощью которого следует проводить подобное исследование, то этот материал, с проработки которого теперь следует начать, опять-таки является очень сухим и тривиальным. И без подобной сухой и тривиальной работы, просто вбухивающей в землю кучу денег и труда, ничего не сде-

---

5. Вебер имеет здесь в виду «кружок Георге» (George-Kreis). См., напр.: *Маяцкий М.* (2011). Спор о Платоне: круг Штефана Георге и немецкий университет. М.: ВШЭ. — *Прим. перев.*

лать. Прежде всего имеет смысл систематическая попытка получить данные от союзов о профессиональной, географической, этнической и социальной принадлежности их членов. Я не могу исключить, хотя и не уверен, что с течением времени мы сможем создать своего рода кадастр важнейших категорий союзов и тем самым выйти на след принципов отбора, которые чаще всего, конечно, не осознаются самими союзами. В таком случае будет накоплен обширный материал. Кроме того, мы должны затем проанализировать *средства* воздействия союзов внутри себя, на своих членов, и вовне в пропагандистском смысле и с целью борьбы, наконец, сами пропагандируемые содержания — и все это в виде свежей, социологической казуистики. Работа на долгие годы!

Поскольку я только что говорил об «отборе», то в заключение упомяну о последней крупной, уже выбранной нами рабочей области. Это инициированный проф. Ойленбургом в Лейпциге вопрос отбора ведущих профессий внутри современного общества, приведший нас к его обсуждению и систематической разработке. Речь идет о тех профессиях, которые в обычном смысле — ведь социология не может исходить из чего-то иного, нежели конвенциональный смысл — именуют «ведущими»: профессии экономически и политически ведущие, научно, литературно и художественно ведущие, духовенство, чиновники, учителя, предприниматели и т. д. Мы спрашиваем при этом: откуда эти люди, кто были их отец и дед, каково их этническое происхождение, какие у них судьбы, т. е. как, через какие промежуточные этапы они оказались на своих нынешних позициях, и т. д.? Короче говоря, почему действующий повсюду отбор привел на эти позиции именно их? Конечно, это можно определить только на больших числах. Какое этническое, профессиональное, социальное, материальное и т. д. происхождение чаще всего способствует шансам достичь именно этих профессий и позиций? Это задача, которая опять-таки может быть разрешена посредством весьма обширных исследований, вероятно, на протяжении длительного времени. Господа, за выделенный мне промежуток времени я мог лишь попытаться *чисто иллюстративно* прояснить вам на произвольно выхваченных примерах, что в подлежащих нашему изучению проблемных полях существуют вопросы, заниматься которыми имеет смысл с точки зрения науки.

Но вы видите, что даже эти конкретные задачи, которые я здесь упомянул, не позволяют рассчитывать на то, что уже в следующем году будет достигнут какой-то блестящий результат. Общество должно иметь терпение, как и публика. Эти работы требуют самоотречения и стремления к ограниченной в каждом конкретном случае цели, что сегодня пока встречается редко, но, надеюсь, будет встречаться все чаще. Также они требуют — здесь я должен добавить: к сожалению — *очень значительные финансовые средства*. Господа, только на проведение опроса прессы затраты оцениваются примерно в 25 000 марок. Из этих 25 000 в нашем распоряжении сейчас около 20 000 благодаря договоренности с Гейдельбергской академией наук, Институтом общего блага здесь во Франкфурте и частным фондами внутри и вне нашего общества. Можно надеяться, что необходимый остаток также будет

получен от частной стороны, поскольку мы ни при каких обстоятельствах не приступим к нашей работе, прежде чем не будем уверены в том, что средства, которые мы считаем необходимыми и, надеюсь, достаточными, будут иметься в наличии. Для других исследований сегодня пока еще нет никаких денег, кроме текущих средств общества, но они не слишком много значат для таких работ при промежуточном составе членов более 200 человек, а мы надеемся, что их число вырастет. Я скажу, что нынешние средства общества, конечно, не могут стать основой, ведь они идут на текущие расходы, по крайней мере значительная их часть. Они должны помочь покрыть расходы заседаний вроде нашего сегодняшнего и, как было сказано, будущих — уже в значительно измененной и улучшенной форме. Таким образом, признаем это прямо, мы зависим от меценатства, которое уже один раз проявилось в непривычной для Германии форме. В отличие от ситуации за границей, и не только в Америке, в Германии крайне редко бывает, чтобы значительные денежные средства выделялись на чисто научные цели. В Германии денежные средства дают на технические задачи, например, на изучение проблемы полетов и тому подобное, на что-то для любимого тела и его лечения, т. е. на радиотерапию, если при этом, по крайней мере в отдаленной перспективе, будет получен терапевтический результат. Еще их в обнадеживающе растущих масштабах выделяют на художественные цели.

Но когда у нас, в Германии, деньги даются на науку, то можно быть уверенным, что это будет поручено государственным инстанциям — по причинам, которые я не хочу здесь затрагивать. Они очень разные и объективно определенно оправданны, но, по моему мнению, субъективно не всегда приятного свойства. Конечно, этим не может исчерпываться поддержка прогресса науки на длительный срок, при всей высокой оценке того, что государство делает у нас в этой области, в отличие от других стран. Но пока есть лишь один город, в котором меценатство в целях науки в очень значительном масштабе практикуется без вмешательства государства, как это принято в Америке, — это Франкфурт-на-Майне. Но невозможно согласиться с тем, что Франкфурт будет длительное время сохранять эту монополию. Напротив, от этого зависит не только конкретно наша научная работа, но и прогресс научного труда в целом — нужно надеяться, что немногие постоянно звучащие блестящие имена тех, кто активен в области немецкого чисто научного меценатства (а это означает меценатство, имеющее терпение ждать, что развиваемая по их воле наука когда-нибудь наконец-то также «послужит жизни») — нужно надеяться, что подобное меценатство в Германии и вне этого города станет более популярным, чем сейчас. Как было сказано, не только для поддержки специальных задач этого общества, но и в интересах научного труда вообще. (*Бурные аплодисменты.*)

German Sociological Association Activity Report

Max Weber

Oleg Kildyushov (translator)

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

This publication is the first Russian translation of Max Weber's keynote address at the First Conference of the German Sociological Association (DGS) held at the Academy of Social and Commercial Sciences in Frankfurt, Germany, from October 19–22, 1910. At the first session on the morning of October 20, he delivered the business report of the German Sociological Association that had been founded in Berlin the year before. Weber was given the floor as a chairman of the auditing board immediately after the opening speech *The Pathways and Objectives of Sociology* by the Association's president, Ferdinand Tönnies. In the conference transcript, Weber's presentation is referred to as the DGS "Business Report", though it is essentially the classic's attempt to delineate a framework research program for the then-institutionalizing German sociology. At the outset, Weber talks about the principles of the Association's activity as exemplified in its charter. First of all, he refers to the imperative of value neutrality, a central tenet to all Weberian sociology implying a purely scientific focus, i.e., free from political, ethical and other evaluations of scholarly interest in the subject. Additionally, he emphasizes the pragmatic nature of the DGS, since it is not a purely status-based association of academic "nobility". In the main part of the paper, Weber discusses the specific clusters of topics that the Association has chosen to study as its priorities, including the sociology of the media, the sociology of unions and public associations, and the sociology of key professions in modern society. The scholar concludes by speaking about the DGS financial situation, and its general dependence on promoting a culture of scholarly sponsorship patterned after the American model.

Keywords: history of sociology, Max Weber, German Sociological Association, institutionalization of social science, value neutrality, sociology of media